

Евгений ДЕМЕНОК

История израильского города Нес-Циона связана с одесским хасидом и палестинским немцем. Об удивительных переплетениях судеб этот очерк.

Навигатор и знаки

Ездить по Тель-Авиву без навигатора чертовски неудобно. Да и навигатор помогает не слишком, когда ищешь небольшой переулок Симтат Нес-Циона. Но благодаря навигатору, который повел нас сначала не в переулок, а в город Нес-Циона, я и узнал о нем. О знамени к Сиону. Поразились и решили немедленно о нем написать.

...Прошло два года. Все время отвлекло что-то более важное. И вдруг среди бумаг одесской парижанки, великой художницы Сони Делоне я нашел письмо, написанное на бланке Завода белой жести и металлических изделий инженера М. Г. Левина, который находился в Одессе на Куяльницкой дороге, № 17. Управляющим этим заводом был отец Сони Элия Штерн.

Письмо было написано женой сослуживца Эли Штерна и отправлено в конце ноября 1915 года из Одессы в португальский город Вила-ду-Конди. Там в это время жили Соня с мужем и четырехлетним сыном. И не просто жили, а активно работали, попутно давая толчок развитию португальского авангарда.

Вот это письмо:

«С разрешения Вашего уважаемого родителя господина И. Штерна честь имею покорнейше просить Вас не отказать в исполнении моей нижеследующей просьбы.

Родители мои, Иосиф и Нехема Шульман, находясь в настоящее время в Палестине в колонии Нес-Циона (Ваади-Ханин) возле Яффы и с октября месяца прошлого года я от них никаких известий не получила и сама не имела возможности известить о себе.

Меня страшно беспокоит та мысль, что неполучение от меня известий может очень пагубно отразиться на слабом здоровье моей матери.

Не имея никакой возможности известить моих родителей о себе иным путем, честь имею обратиться к Вам с покорнейшей просьбой не отказать и переслать в переводе на немецкий язык прилагаемое при сем мое письмо по следующему адресу: Joseph Schulman Colonie Nes-Ziona, Jaffa, Palestina.

Если у Вас получится известие от моих родителей, покорнейше прошу не отказывать Вас в любезности и переслать такое для меня по адресу Ваших уважаемых родителей.

Благодарю Вас заранее за исполнение моей просьбы и извиняюсь за беспокойство, пребываю к Вам с истинным почтением,

Эстер Явойш».

Сопровождала письмо приписка от папы: «Дорогая Соничка! Просьба эта исходит от жены моего сослуживца, родители которой находятся в Яффо. Если это не затруднительно для тебя, то исполни его просьбу, и сделаешь доброе дело».

Конечно, в разгар Первой мировой отправка писем из России в Османскую империю, воевавшую на стороне Германии, была невозможной. А вот Португалия в 1915-м еще сохраняла нейтралитет.

Эстер имела все основания беспокоиться о здоровье матери не только потому, что не могла сообщить о своих делах. В том же 1915 году правительство младотурков занялось депортацией — считай, уничтожением — огромного армянского населения империи. Над еврейским населением Палестины тоже нависла смертельная угроза. И лишь вмешательство германского правительства, покровительствовавшего сионистам (да-да!), в конце концов ее предотвратило. Как это ни удивительно, но исполнительный комитет Всемирной сионистской организации располагался тогда в Берлине.

Однако евреи все же стали уезжать из Палестины, опасаясь повторения трагедии армян. Только в 1915 году выехало одиннадцать тысяч, а всего за годы войны — около тридцати тысяч, что было очень много для ишува, еврейского населения Эрец-Исраэль.

Усугубила ситуацию и разразившаяся эпидемия холеры...

Так что волнение Эстер Явойш было вполне обоснованным.

Однако к холере, малярии и другим болезням еврейским поселенцам было не привыкать. Собственно, если бы не малярия, возможно, и не появился бы на карте Израиля город с названием Нес-Циона — знамя к Сиону...

После череды совпадений, знаков, я понял, что должен об этом городе написать.

Меняю землю в Одессе на Израиль

Итак, в 1882 году живший в Одессе галицийский хасид Реувен Лерер (почти Лернер) встречает немца, темплера Густава Рейслера. Настоящая фамилия хасида Лерера была Печорник. В детстве отец отправил его на юг Украины, в немецкую семью Лерер, чтобы его не забрали в царскую армию. И мальчик принял фамилию приемных родителей.

В восемнадцатилетнем возрасте он переехал в Одессу, где занялся поставкой сена и лошадей для этой самой армии. Заработав, Лерер купил большой участок земли в поселке Христо-Яновка под Одессой (так пишут все источники, но как я ни искал, поселка с таким названием не нашел — возможно, это была Яновка, еще недавно называвшаяся Ивановкой).

А Густав Рейслер за несколько лет до этого, в 1878-м, с семьей поселился в Палестине. Они купили в арабской деревушке Ваади-Ханин участок земли и

посадили там цитрусовый сад. Что представляла собой тогда Палестина? Болота, перемежающиеся пустынями. А где болота, там и малярия. Жена и дочери Рейслера заболели и умерли. А сам он в отчаянии размышлял, что делать с землей. Каким-то чудом оказался в Одессе. И встретил Лерера.

Член «Ховевей-Циона» Реувен Лерер мечтал о переезде в Эрец-Исраэль. И сразу предложил Рейслеру обменяться землей — свою под Одессой на землю в Эрец-Исраэль. Причем обмен был неравноценным — Лерер предложил земли ровно в десять раз больше, свои двадцать тысяч дунамов (тогда 919,3 квадратных метра) он готов был обменять на две тысячи в Земле обетованной. Рейслер с радостью согласился. Еще бы — Одесса была тогда четвертым городом в Российской империи. Прекрасное расположение. Плодородная земля. Никакой малярии. Порт и связи со всем миром. Цивилизация, в общем. Куда там пустыням и болотам Палестины.

Знал бы он, что случится спустя тридцать с небольшим лет...

Первая пасека и виноградник

А Лерер радостно отправился на свою новую старую родину. Из процветающей Одессы — в песчаную глушь. Взял с собой шестнадцатилетнего сына Моше. И ничего, что Реувену было уже пятьдесят. Он был полон планов и энергии. Приехав в Эрец-Исраэль, отец и сын первым

делом поднялись в Иерусалим, чтобы помолиться у Стены плача. А потом поехали к себе, осваивать новую землю. Так в 1883 году появилась первая в Израиле частная ферма. Вернулся в Одессу за женой Фейгой и пятью детьми — за хозяйством в это время присматривал Моше — и взялся за работу. Завел там первую в Израиле пасеку. Первым в Израиле посадил виноградники гамбургского муската. Часть земли он продал другим евреям, повесив объявление возле порта Яффо, — чтобы жить и молиться вместе. Первые поселенцы жили в подвале дома Лереров. Вскоре селение назвали в его честь — Нахалат-Реувен. В 1890 году еще один сионист, социалист Михаил Гальперин, выкупил у Лереров 170 дунамов земли и основал по соседству первый в Израиле рабочий поселок, назвав его Нес-Циона — в буквальном переводе «знамя к Сиону».

Вскоре оба поселка слились в один, получив общее название Нес-Циона. Интересно, что до образования Государства

Израиль Нес-Циона была единственным сельским населенным пунктом со смешанным населением. Арабы уехали оттуда уже после начала Войны за независимость. И сейчас Нес-Циона — самый еврейский город Израиля. В начале 2018 года тут жило почти пятьдесят тысяч жителей, из которых 99,6 процентов — евреи. В городе восемнадцать школ, два футбольных и баскетбольных клуб, работает Израильский институт биологических исследований.

А Лерер с женой Фейгой и пятью детьми прожили там всю жизнь. На их ферме бывали и Ротшильд, и Герцль. Сам Лерер участвовал в VI Сионистском конгрессе в Базеле. Умер он в возрасте восьмидесяти пяти лет. Фейга намного пережила его — она прожила сто пятнадцать лет. Фантастика. Они не видели ни одесского погрома, ни революции и последовавшей за ней Гражданской войны. Их земля не была национализирована, их дом не был разграблен... Муниципалитет нынешней Нес-Ционы восстановил недавно их усадьбу, реконструировал колодец и цитрусовую плантацию, а в небольшом доме, который Лереры использовали под склад, сделали музей. У входа в усадьбу сейчас стоит скульптура — Реувен и Фейга, обнявшись, сидят на скамейке. В центре города есть площадь Лерер. И каждый в Нес-Ционе знает, благодаря кому возник этот город.

Ничего этого в бывшей Российской империи, ставшей позже Советским Союзом, они бы не получили. В лучшем случае они бы просто выжили. В самом лучшем случае. О том, что случилось с Густавом Рейслером, даже думать не хочется. Если он дожил до Первой мировой, наверняка попал в тюрьму как немец или вынужден был бежать. Земля его была, конечно, национализирована. Все, что создавалось годами, пошло прахом.

Частная собственность неприкосновенна

Мы часто воспринимаем Израиль как страну, в которой всегда неспокойно. Идет война, постоянные конфликты с арабскими соседями. И в Нес-Ционе были перестрелки во время арабского восстания в 1936–39 годах, и во время Войны за независимость в 1948 году.

И тем не менее частная собственность как была, так и осталась неприкосновенной. То, что тяжелым трудом зарабатывали предки, передается по наследству и преумножается. Прочитав историю возникновения Нес-Ционы, я вспомнил о коллекции картин одесских «независимых» художников, которую вывез в 1919 году в Эрец-Исраэль на пароходе «Руслан» Яков Перемен. В Одессе их работ практически не осталось — все было уничтожено во время борьбы с формализмом в искусстве. Революции, войны, нищета не способствуют сохранению традиций. А в таком небезопасном Израиле сохранилось абсолютно все. Удивительно: сегодняшний мэр Нес-Ционы Шмуэль Боксер — праправнук основателя города Реувена Лерера.

Выводы каждый пусть сделает сам.

И да, как не поверить в то, что случайностей не бывает? ♦

Фото автора